

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154586-601>

Абдулмажидов Р.С.,
к.и.н., зав. отделом востоковедения,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
ramazana@yandex.ru

Тупцокова Л.К.,
научный сотрудник,
Черкесский культурный центр, Тбилиси, Грузия
circassianculture@gmail.com

АДАТ И ШАРИАТ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА XVII–XIX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимодействия адата и шариата в наследственном праве народов Дагестана. Исследователи правовой культуры народов Северного Кавказа нередко допускали ошибки при рассмотрении данной сферы правоотношений, в связи с чем обращено внимание на наиболее характерные из них. Кроме того, в статье раскрывается порядок наследования по мусульманскому праву, анализируются нормы наследственного права, содержащиеся в дагестанских сборниках адатов. Рассмотрены вопросы, вызвавшие наиболее острые дискуссии, в частности, лишение женщин доли недвижимого имущества и применение «назра» при разделе наследства. Анализ зафиксированных в дагестанских правовых памятниках норм адата, регулировавших наследственные правоотношения, свидетельствует о длительном противоборстве адата и шариата в этой сфере. Несмотря на утверждавшийся в Дагестане, по мере укрепления позиций ислама приоритет установлений шариата, адат также сохранял определенное значение. Социально-экономические реалии предопределили сохранение норм адатного права, что привело к определенному симбиозу двух правовых систем в наследственном праве народов Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан; правовая культура; обычное право; мусульманское право; адат; шариат; наследственное право; «васийа»; «назр».

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154586-601>

Ramazan S. Abdulmajidov,
Ph.D. (History), Head of Department of Oriental Studies
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

Larisa K. Tuptsokova,
Researcher
Circassian Culture Center, Tbilisi, Georgia
circassianculture@gmail.com

ADAT AND SHARIA IN THE FRAMEWORK OF INHERITANCE LAW AMONG THE PEOPLES OF DAGESTAN IN THE 17TH-19TH CENTURIES

Abstract. The article introduces a study of adat and sharia interaction within the hereditary law of the peoples of Dagestan. Researchers of legal culture of the peoples of the North Caucasus often made mistakes considering this sphere of legal relations, in connection with which attention was drawn to the most characteristic of them. Moreover, the article reveals the order of inheritance under Muslim law, analyzes the norms of inheritance law contained in the Dagestan collections of adats. The issues that caused the most heated debate, in particular, on depriving women of the share of real property and the application of “nazr” (vow) in the division of inheritance, have been examined. An analysis of the adat norms recorded in the Dagestan legal monuments that regulated inheritance relations indicates a long-standing confrontation between the adat and the sharia in this area of law. Despite the assertion of the priority of the establishment of sharia in Dagestan, adat also retained a certain value with the strengthening of the position of Islam. Socio-economic realities determined the preservation of the norms of the adat laws, which led to a certain symbiosis of the two legal systems in the inheritance law of the peoples of Dagestan.

Keywords: Dagestan; legal culture; customary law; Muslim law; adat; sharia; inheritance law; wasiyat; nazr.

Одним из главных источников средневекового права народов Северного Кавказа был адат – совокупность обычаев и общинной юридической практики. Но по мере распространения в регионе ислама, влияние последнего постепенно стало проникать во все сферы социально-правовой жизни. Особенно ярко эти процессы проходили в Дагестане, где уровень рецепции мусульманского права был значительно выше по сравнению с соседними областями. Тем не менее, многие адатные установления продолжали сохранять свое прежнее значение и здесь, вызвав возникновение и бытование на протяжении нескольких столетий своеобразного правового дуализма, основанного на взаимодействии адата и шариата.

Данное обстоятельство привело к тому, что некоторые исследователи правовой культуры народов Северного Кавказа не могут провести четкую грань между адатными и мусульманскими установлениями. Особенно много противоречий допущено при изложении особенностей наследственного права. Зачастую они ошибочно устанавливают природу той или иной правовой нормы, подразумевая под «адатом» прямые предписания из Корана, или же наоборот, приписывая шариату адатные установки. К примеру, утверждается, что «шариат предписывал выплату выкупа – калыма за невесту ее родителям, тем самым передавая мужу все права собственника на жену» [1, с. 194]. Но в действительности шариат при заключении брака устанавливает только выплату невесте брачного дара (*махр*), размер которого не определен. Выплата махра зачастую носит символический характер, тогда как калым, являющийся порождением адата, должен соответствовать установленным в конкретной общине требованиям.

Ряд исследователей не совсем верно понимают бытовавшие здесь принципы и механизм передачи имущества по наследству. Так, один из них, характеризуя семейное право горцев Северного Кавказа, утверждает, что «семейные разделы происходили согласно нормам обычного права» [2, с. 18]. Другой полагает, что «в Нагорном Дагестане наследование по завещанию во многом уже превалировало над наследованием по закону (по адату), причем главным образом использовалась письменная форма духовных мусульманских завещаний (*искат*)» [3, с. 42]. Третий пишет, что «все адаты, касающиеся наследования, были сходными у всех северокавказских этносов. Наследование у них осуществлялось по мужской линии, женщины никакого права на него не имели» [4, с. 50].

В целом, существующая литература по этой теме не раскрывает всей полноты картины наследственных правоотношений, ограничиваясь часто отсылкой к главенству шариата в данной сфере. Кроме того, как показано выше, ошибочно интерпретируются семейно-правовые реалии, существовавшие у горцев, дается совершенно неверная классификация видов наследования, заимствованная, по-видимому, у известного исследователя обычного права народов Кавказа Ф. И. Леонтовича [5, с. 246]. Выдвигаемые указанными авторами утверждения

о том, что наследственное право у горцев было отдано только на откуп шариа-ту или же наоборот адату, никак не согласуются с реальной картиной наслед-ственных правоотношений. Складывается впечатление, что зачастую из разных источников берутся совершенно противоречащие друг другу положения, кото-рые подаются как полные и исчерпывающие сведения о предмете изысканий.

Вследствие этого, в настоящей статье для выяснения действительной карти-ны наследственных взаимоотношений народов Дагестана проведен ретроспек-тивный анализ различных дагестанских памятников права. Хронологические рамки исследования охватывают XVII–XIX вв. и объясняются тем, что имен-но в этот период происходила письменная кодификация арабоязычных сбор-ников адатов. При этом очевидно, что ряд выявленных положений правовой культуры Дагестана характерен как для предшествующего периода, так и для настоящего времени.

Как известно, мусульманское право предусматривает два вида наследова-ния – по закону и по завещанию. Наследование по закону освящено предпи-саниями из Корана, в котором довольно подробно рассмотрены многие вопро-сы наследственного права. Именно этим объясняется приоритетность шариата при разделе наследства у мусульманских народов. Имущество покойного по канонам шариата распределяется в строго определенном порядке, после рас-ходов на похороны, возмещения его долгов и выплаты завещания. Законными наследниками (*варис*) считаются родственники мужского пола до 5-го колена, и женского до 3-го колена. При этом не делается различия между единокров-ными или единоутробными сыновьями от первой или второй жены. Доли на-следства шариатом четко разделены в зависимости от оставшихся наследни-ков. При этом, по предписаниям из Корана, сын получает вдвое больше доли наследства, нежели дочь.

Что касается второго вида наследования по мусульманскому праву, то в своем завещании (*васийа*) наследодатель может распорядиться не более чем одной третью принадлежащего ему имущества, две трети которого распреде-ляются между наследниками в установленных шариатом последовательности и размере [6, с. 46]. Условиями законности завещания является следующее: 1) правоспособность завещателя; 2) получающий по завещанию не должен яв-ляться законным наследником; 3) завещание должно быть составлено или за-явлено при двух свидетелях. При этом завещатель может при жизни отменить или изменить завещание. Необходимо также отметить, что шариат допускает и несущественные отклонения в вопросах наследственного права, вытекающие из особенностей четырех правовых школ (*мазхабов*).

Вследствие наличия в Коране прямых указаний о порядке раздела наслед-ства, установления мусульманского права стали играть в Дагестане важней-шую роль. Однако, несмотря на всеобщее признание приоритета мусульман-ского права в наследственных правоотношениях, часто шариат и адат вступали в противоборство именно в этой сфере, когда одна сторона требовала раздела имущества по шариату, а другая по адату. Подобные конфликтные ситуации

возникали постоянно на протяжении нескольких столетий, о чем свидетельствует множество памятников права народов Дагестана. Показательным является случай, произошедший в самом конце XVIII в. в ауле Геничутль. У одного из состоятельных геничутлинцев по имени Испах был единственный ребенок – дочь, которая была замужем за жителем соседнего селения. Недовольный отношением к себе со стороны дочери и зятя, Испах лишил их положенного наследства, передав его своему родственнику по отцовской линии по «назру», о котором будет сказано ниже. Это привело к тому, что через некоторое время зять убил своего тестя и спрятался в доме знаменосца аварского нуцала Уммахана Великого, прося положенной по адату защиты. Однако жители Геничутля ворвались в этот дом и убили его. Примечательно, что после этого аварский нуцал лишил своего знаменосца его статуса. И более того, взыскал с него быка, потому как «настоящий мужчина не должен позволять, чтобы в его доме убивали человека, который пришел и просил защиты-аман, даже если этот человек убил перед этим своего отца или брата» [7, с. 36].

Столкнувшись с проблемами при разрешении вопросов, связанных с разделом наследства, многие дагестанские союзы общин специальной адатной нормой стали закреплять приоритет шариата в этой сфере. Так, к примеру, по адатам Келебского союза общин устанавливалось: «Если возникнет спор о наследстве умершего, то следует обратиться к дибиру» [8, с. 65]. Адаты соседней Цекобской общины устанавливали меру наказания за отказ от подобного: «Кто заявит, что не пойдет к кадию, а обратится к сельским старейшинам, дает по овце за каждый день, пока он не обратится к кадию» [9, с. 188]. Еще более суровое наказание за отказ производить раздел имущества по шариату устанавливали «Адаты союза общин Тленсерух»: «У селения, которое не соглашается прекратить использование доисламских (джахилийских) обычаев и судиться согласно шариату по делам, касающимся раздела наследства и другим делам, взыскиваются четыре быка»¹.

«Адаты общины Карабудахкент», еще один правовой памятник, представляющий собой сборник нескольких общественных соглашений, заключенных в начале XVIII – середине XIX вв., также утверждал отдельной статьей приоритетность раздела наследства по шариату, объявляя несогласного с этим отступником от веры: «Также они решили применять шариат при разделе имущества покойного между родственниками и наследниками. Как об этом говорится в благородном Коране. И, кто не будет подчиняться и содействовать этому, тот не является мусульманином. Как об этом говорит Всевышний Аллах. Те, кто не выносит решения согласно Божественной Книге, являются неверными грешниками и преступниками. И пусть настигнет проклятие Аллаха того, кто не принимает этого»².

1 Адаты союза общин Тленсерух //Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее – ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН).Фонд М-С. Саидова. Оп.1. Д.118.Л. 7. Рукопись на арабском языке. Перевод: Абдулмажидов Р.С.

2 Адаты общины Карабудахкент //ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М-С. Саидова. Оп. 5. Д. 128. Л. 5.

Соглашение, заключенное в 1710 г. жителями союза общин Томурал³, в котором также провозглашается решимость в дальнейшем при разделе наследства придерживаться только установок шариата, сообщает о причинах подобного выбора: «Из-за ликвидации в своей среде различий в [долях] имущества, составляющего данное конкретное наследство. Из-за лишения представительниц женского пола [доли] в оставленном наследстве, путем «удаления» этих (долей) от этой женщины» [10, с. 36–37]. О необходимости придерживаться во всем правил шариата указывается также в соглашениях, заключенных крупными общинами Ахты и Акуша и в ряде других памятников права [10, с. 44–49].

Особенно широко стало использоваться наследование по завещанию, о чем свидетельствует огромное количество дошедших до нас арабографических письменных источников. Письменные завещания, составлявшиеся, как правило, в присутствии кадия и свидетелей, при жизни хранились у завещателей и получали законную силу после их смерти. В случае несовершеннолетия наследников, кадий составлял подробную опись всего имущества покойного и передавал его опекуну. Право опекунства принадлежало ближайшему родственнику мужского пола. По шариату установления по делам опекунства были целиком основаны на предписаниях из Корана [11, 4: 6].

Как было указано выше, в Дагестане при возникновении конфликта при разделе имущества необходимо было обращаться к «дибиру», т.е. имаму мечети или кадию. За разрешение спора по разделу наследства кадий получал 2% от суммы иска. «Адаты Самурского округа» сообщают нам о регулировании спорных ситуаций в данном случае. Так, если в разбирательстве дела принимал участие какой-нибудь авторитетный алиим (эфендий), то кадий из полученной суммы по своему усмотрению давал ему какую-то часть. Если же одна из сторон оставалась недовольной решением, то она могла обратиться к другому авторитетному алииму, который вновь обращался к кадию. Последний в этом случае пересматривал дело, и если принимал правильность его доводов, то отданное первому алииму вознаграждение передавалась второму [12, с. 42]. Следует отметить, что несмотря на то, что эти правовые нормы указаны как адатные, они целиком вытекают из шариатских предписаний. Адат здесь вступал в дело лишь при установлении суммы и вида вознаграждения за оказанные кадием или алиимом услуги. Так, например, по воспоминаниям Абдулы Омарова, его отец, бывший кадием, помимо положенных 2 % от имущества наследодателя получал «половину одежды умершего мужчины» [13, с. 28].

Итак, анализ нормативно-правовой базы сводов адатов Дагестана показывает, что при решении вопросов наследственного права дагестанцы преимущественно руководствовались шариатскими установлениями. Однако, в ряде случаев предусматривалось регулирование наследственных отношений и адатными установлениями. Так, в кодифицированных уже в пореформенный период адатах Аварского и Гунибского округов отмечается, что «наследственные дела

Рукопись на арабском языке. Перевод: Абдулмажидов Р.С.

3 Ныне в Тляратинском районе РД.

разрешаются в соответствии с нормами шариата, если только на эти случаи не установлены особые адаты» [14, с. 267]. По адату устанавливался срок давности для исков по делам наследства. К примеру, если для членов Цекобской общины он был равен 1 году [9, с. 188], то у закавказских аварцев он был значительно больше: «Если наследник в течение сорока лет не пришел получить причитающееся ему наследство в виде движимости, то наследство это, представляющее собой движимое имущество, ему уже не отдавали. Что же касается срока для получения наследства в виде недвижимого имущества, то он равнялся 60 годам» [10, с. 71].

В числе наиболее распространенных адатов в исследуемой сфере правоотношений следует назвать обычай, согласно которому отцовское имение передавалось по наследству только младшему сыну. По сложившейся традиции, глава семейства в Дагестане еще при жизни старался отделить старших сыновей от родительского дома, выделив им земельные участки и помогая им в постройке собственного дома. Как правило, с младшим сыном в случае смерти наследодателя, оставались и мать с незамужними сестрами. Широкое распространение получила практика оставления одной из комнат отцовского дома для дочерей, в которой они могли жить в случае развода. Примечательно, что ни один из сборников дагестанских адатов не зафиксировал передачу отцовского дома именно младшему сыну, однако подобная норма широко применялась и не потеряла своей актуальности в наши дни. Ее отсутствие в адатных кодексах объясняется, по-видимому, не только резким противоречием шариату, но и определенной свободой действия в данном вопросе. Аналогичная традиция была присуща и многим другим народам Северного Кавказа. Так, известный исследователь истории права, А.М. Ладыженский отмечал, что «в черкесском обществе старший сын при разделе недвижимости не только не пользовался никакими преимуществами, но, наоборот, получал меньше младшего брата своего, которому, кроме участка земли, равного участкам других братьев, доставался еще дом с усадьбой; за это он обязан был содержать мать и сестер» [15, с. 90].

Особенно часто адат вступал в дело при разделе имущества покойного, если его наследники проживали в разных общинах. Здесь стремление конкретной общины контролировать материальные ресурсы своего *джамаата* приводило к введению ряда ограничений. Даже законные наследники, в этом случае ограничивались в праве на отчуждение недвижимого имущества, на что требовалось согласие членов общины. Практически повсеместно в Дагестане, продавец недвижимого имущества должен был заранее публично⁴ объявить о своем намерении. Правом первоочередной покупки обладали его родственники и односельчане. К примеру, в Бежтинской общине подобная продажа недвижимого имущества выходцам из других общин разрешалась, но с определенными оговорками: «Хотя шариат и позволяет продажу недвижимого имущества посторонним, но по адату, которого придерживаются Капучи, продажа имущества постороннему возможна только в том случае, если родственник по отцу не вос-

4 Как правило, это происходило в мечети после пятничной молитвы (*джума*).

пользовался правом предпочтительной покупки» [16, с. 72]. А в соседних цезских общинах выдвигались требования другого характера: «Если кто поселится в чужой деревне в женином, купленном или доставшемся ему в наследство имении, он должен наравне с коренными жителями участвовать в общественных работах» [16, с. 60]. Более подробное объяснение наследования недвижимого имущества из чужой общины дается в адатах союза общин Келеб: «Если права собственности на дом или земли из одного селения по наследству перешло в другое селение, где живут наследники умершего, и один из них, получив свою долю наследства, продаст или обменяет ее, а покупатель, являющийся посторонним человеком, не имеющим права на долю наследства, купит эту долю или обменяет без согласия остальных наследников, то с того, кто купил или обменял, и со свидетелей, участвовавших в этой сделке, взыскивается ежегодно по одному быку, который оценивается в 10 голов овец. Если же приобретение дома или земли оформлено с согласия всех наследников, то тогда никакого штрафа не взыскивается» [12, с. 105].

Вместе с тем, по адатам некоторых общин продажа домов и земельной собственности инородцам строго запрещалась под страхом тяжкого наказания. Так, например, по адатам Цекобской общины: «Если кто продаст свою пахотную или покосную землю человеку из другого селения, то с него за каждый день нахождения этой земли в собственности покупателя взыскивается по одному быку» [12, с. 120]. Еще более суровое наказание, превышающее по своей тяжести штраф за убийство, было установлено в андалалском союзе общин: «Если один из наших людей передаст кому-либо из чужого [общества] принадлежащий ему дом или другую недвижимость, с него взыскивается триста баранов, а проданное переходит в собственность нашего [союза]» [9, с. 175]. Примечательно, что по адатам общины Мачада, исключение делалось лишь некоторым категориям лиц, состоявшим на службе: «Если кто-либо продаст или отдаст в аренду свой дом человеку не из нашего селения, кроме имама, кузнеца и пастуха, то с него ежедневно берется котел, до тех пор, пока он не расторгнет свою незаконную сделку»⁵.

В некоторых общинах ограничивалась даже передача собственности из одного рода в другой. К примеру, в Кайтагском уцмийстве, если наследодатель был бездетным и желал передать свое имущество представителю другого тухума, то он должен был «взять от общества или уцмия бумагу, за которую обязан был заплатить трехлетнего бычка (уцмию или обществу)» [12, с. 25]. Происхождение подобных адатовна ходит объяснение в сохранении у народов Дагестана родовой (*тухумной*) собственности, что и влияло на порядок наследования недвижимого имущества. Наличие у горцев такого вида собственности приводило к тому, что в ряде случаев принадлежавшее наследодателю недвижимое имущество, после его смерти, даже при наличии у него дочери, переходило по нисходящей ближайшим родственникам по отцовской линии.

В Дагестане одним из факторов, вызывавшим острые дискуссии, было

5 Адаты аварских селений // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 57. С. 10.

лишение женщин права наследовать недвижимое имущество. Дагестанские общины по-разному подходили к этому вопросу. Так, при опросе жителей Андалалского наибства, они сообщали: «передаем по наследству детям по шариату, и женщина получает свою долю из недвижимого имущества...»⁶. При этом поверенные от соседнего Куядинского наибства заявляли, что у них «женщина не имеет от доли в наследовании недвижимого имущества и никогда прежде, и при Шамиле не имела»⁷.

Составители «Свода адатов горцев Северного Кавказа», изданного в 1847 г. приводят подробные пояснения природе и содержанию данного обычая: «По адату имение разделяется между наследниками мужского пола поровну. Женский пол в разделе не участвует. Сыновья или родственники, получившие наследство, должны заботиться о содержании дочерей и жены последнего, до тех пор, пока они не выйдут замуж...

Такие правила наблюдались при разделе имущества между всеми обитателями северной покатости кавказского хребта, до введения магометанской религии, а с нею до распространения шариата. В настоящее же время у тех горских племен, у которых шариат преобладает над адатом, при разделе имущества наблюдаются следующие правила: жена покойного получает 1/8 долю всего имущества; из остального же 2/3 получает сын и 1/3 дочь.

Если же после умершего не осталось сыновей, то по отделе 1/4 части жене, остальное имущество разделяется на две части (в таком случае если после покойного осталась одна дочь) из коих одна отдается дочери, а другая ближайшему родственнику.

Если осталось несколько дочерей, то имущество за исключением 1/4 части, следуемой жене, разделяется на три доли: две принадлежит дочерям, каждой поровну, а третья отходит ближайшему родственнику» [17, с. 246–247].

Согласно Ф.И. Леонтовичу, у кумыков при разделе наследства «Адат совершенно устраняет от наследства женский пол. По шариату дочь должна наследовать третью долю той части имущества, которая достается каждому брату. Как отец полный хозяин в своем имении, то дабы обеспечить дочь, он сам награждает ее по усмотрению. В случае же, если бы отец помер, не дав ничего дочери, то, несмотря на закон по шариату, который допускает ее к наследству, она не получает ничего из имущества, а от брата уже, к которому она поступает, зависит составить ей приданное» [17, с. 200–201].

В то же время, «Адаты общины Карабудахкент», одной из крупных кумыкских общин, рисуют совершенно другую картину: «Также они решили, что их беки не имеют права забирать ничего из имущества покойного, если у него остались какие-нибудь наследники...Если кто-нибудь из этих правителей убил кого-то, то они не имеют права забирать что-либо из его имущества. А все имущество убитого получают его наследники. А если у этого покойного осталась

6 Сведения о селениях Аварского и Гунибского округов // Государственный исторический архив Грузии (далее – ГИАГ). Ф.229. Оп.1. Д.132. Л. 31.

7 Сведения о селениях Аварского и Гунибского округов // ГИАГ. Ф.229. Оп.1. Д.132. Л. 44.

всего лишь одна дочь, даже если она будет хромой, и не осталось никого другого, и сама эта дочь является женой одного из находящегося под властью бека, то имущество, отобранное у него, передают ей»⁸.

Примечательно, что подобные «антифеодальные» установления содержатся и в некоторых других адатных сводах. Так, по постановлениям кайтагского уцмия Рустем-хана ««никто не должен завещать имение в пользу бека или чанки. Кто же сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушить» [13, с. 88].

Таким образом, утверждение о том, что у кумыков раздел наследства происходил по адату следует считать несоответствующим историческим реалиям. Можно говорить лишь о том, что кумыкское привилегированное сословие, в первую очередь, шамхальское, лишало женский пол доли недвижимого наследства, о чем свидетельствуют «Адаты Шамхальства Тарковского и Мехтулинского ханства»: «Из оставшегося после смерти бека шамхальской крови недвижимого имения, как то: полей, лугов, кутанов, пастбищ гор и пр. – дочери его не получают никакой части, но все оно переходит в наследство сыновьям, которые обязаны содержать незамужних сестер, если таковые будут, и выдавать замуж с приличным приданым. В этом случае не поступают по шариату» [18, с. 149]. Своеобразное объяснение подобной практике дает Джамалуддин Карабудахкентский, автор исторической хроники «История Кавказа и селения Карабудахкент»: «Еще один аргумент заключается в том, что они (шамхалы.– Г.О.) дела вершат не по шариату, а согласно закону Чингиз-хана «Тёре» – по названию «Дурар». Они не дают наследства женщинам, говоря, что это очень древний обычай (адат)» [19, с. 54].

Приведенные выше данные свидетельствуют о перманентном противостоянии между адатом и шариатом в вопросе предоставления женскому полу доли недвижимого имущества при разделе наследства. Иногда делались попытки совместить два существовавших подхода. Так, после состоявшегося 5 сентября 1864 г. собрания князей и почетных кумыкских узденей было принято решение о том, что «раздел имущества, переходящего по наследству, делается на следующих основаниях: князья и уздени 1-й степени (салы), при разделе имущества придерживаются существующего между ними обычая, а остальное населения округа руководствуются по сему шариатными постановлениями» [17, с. 228].

Другим фактором, влиявшим на возникновение в Дагестане частых споров при разделе наследства, следует назвать наличие у наследодателя двух и более жен. В подобной ситуации практически всегда возникал конфликт интересов, приводивший к судебным тяжбам. Иногда дело принимало кровавый оборот, о чем свидетельствует, к примеру, случай из криминальной хроники второй половины XIX в., когда одна из жен совершила преступление, «желая сделаться главной хозяйкой в доме и устроить так, чтобы муж развелся с первой женой, и

8 Адаты общины Карабудахкент // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М-С. Саидова. Оп. 5. Д. 128. Л. 6. Рукопись на арабском языке. Перевод: Абдулмажидов Р.С.

чтобы все имение его осталось исключительно ее детям» [13, с. 61].

Необходимо отметить и применение в Дагестане при отчуждении собственности такого элемента, как «назр». Термин «назр» означает данную Всевышнему клятву (обет) о совершении каких-либо богоугодных деяний. В мусульманском праве им стало называться обязательство о выполнении каких-либо действий, которые не являются для мусульманина обязательным (*фарз*). И, в связи с этим, при обретении права собственности на какое-либо имущество посредством договора дарения или наследования по завещанию, «назр» стал играть чрезвычайно важную роль. Его использование при отчуждении собственности вызвало бурную полемику между дагестанскими богословами [20, с. 183–200]. Дело в том, что в условиях ограниченных материальных ресурсов, при наследовании по завещанию часто возникали конфликтные ситуации, из-за того, что законные наследники не соглашались с применением «назра» к наследуемому имуществу. В некоторых сборниках дагестанских адатов даже устанавливалось наказание за его незаконное применение. Так, к примеру, по Гидатлинским адатам: «Если ответчик, не дожидаясь окончания тяжбы по поводу недвижимого имущества, продаст его, подарит или отдаст по обету (араб. – *назр*), пусть заплатит штраф в размере двух быков, а принявший имущество – одного быка» [9, с. 167].

Конфликты по поводу применения «назра» были столь частыми, что в период Кавказского имамата, даже пришлось созвать в 1857 г. собрание алимов в Хунзахе, где было принято решение «о пресечении корней назру». Как поясняет секретарь имама Шамиля Амирхан из Чиркея это было сделано по причине того, что назр «стал заявляться горцами по таким делам, в которых обнаруживалось, что провозглашение обета делалось не по чистому побуждению совершить богоугодное дело, а по другим предосудительным побуждениям, имевшим вид мошенничества; поэтому, не взирая на всю святость и неприкосновенность права мусульман – делать назр, Шамиль запретил его и строго следил за нарушителями такого запрета, чем вызывал между учеными много нареканий» [21, с. 5].

Во второй половине XIX в., уже после образования Дагестанской области, актуальность полемики по вопросам наследственного права и применения в нем «назра» особенно возросла. Участились случаи, когда должник, которому угрожала продажа имущества по иску кредиторов, объявлял, что оно уже не принадлежит ему, а передано кому-либо по «назру», или же наследодатель передавал по нему все свое имущество детям от одной жены, лишая тем самым наследственных прав своих потомков от другой. Жалобы по подобным «неправильным назрам» поступали в Дагестанский народный суд, и вынесенные им решения породили разногласия в среде дагестанских богословов, разделившихся на два лагеря.

В этой ситуации руководство Дагестанской области, принимая во внимание авторитет в народе Мухаммадтахира ал-Карахи, известного сподвижника имама Шамиля и признанного знатока мусульманского права, попросило его

выразить свое мнение по этому поводу. Примечательно, что ал-Карахи в своем автобиографическом сочинении сообщает, что, соглашаясь на должность кадия Дагестанского народного суда, он сразу предупредил начальство о своем неприятии «*назра, сделанного с ущемлением законных прав наследника*» [22, с. 29]. Когда он отменил незаконное, по его мнению, решение по назру, остальные члены суда не согласились с этим. Они отправили небольшое сочинение (Такрират) ал-Карахи, о законности назра «*всем, кто имел какое-либо отношение к науке, даже на территорию, подвластную падишаху ислама*» [22, с. 30]. В результате возникла известная полемика, в которой его оппонентом выступил другой представитель дагестанского духовенства – Хаджи Али (Гаджиали) Акушинский, занимавший долгое время должность кадия в крупной даргинской общине Акуша. Тем не менее, по утверждению ал-Карахи, за время его нахождения на службе все решения по «назру» принимались согласно тому, на чем он настаивал [22, с. 30].

Следует отметить, что в этот период кавказская администрация, «*признавая практическую важность*» составления сборника правовых установлений по отдельным отраслям мусульманского права, предпринимала определенные меры в этом направлении. Изданное еще в 1850 г. бароном Н.Е. Торнау «*Изложение начал мусульманского законоведения*» не содержало в себе множество аспектов правоотношений, которых требовала правоприменительная практика. С просьбой создать сборники правовых установлений по отдельным отраслям мусульманского права обратились к известному востоковеду А.К. Казем-беку. Однако создание подобных сборников встретило ряд трудностей. Связаны они были, главным образом, с необходимостью значительных усилий и времени и наличием определенных расхождений между четырьмя основными правовыми школами сунитского мусульманского права. С. Эсадзе писал по этому поводу: «*Великий князь⁹, хотя и находил весьма полезным иметь самый полный, критически разобранный и очищенный текст постановлений всего шариата, однако издание только части /о браке, разводе и наследстве/ одного из комментариев на Коран «Шераи уль-ислама», Временная Собственная Его Величества канцелярия предполагала совершить в течение четырех лет. Не менее того же потребовал перевод и текст комментариев по двум остальным мусульманским толкованиям – шафиитскому и ханифитскому*»¹⁰.

Вследствие этого попытки создать унифицированный сборник законоположений по мусульманскому праву для Дагестанской области и других мусульманских территорий империи заканчивались безрезультатно. Тем более в этот период происходила определенная трансформация правовой культуры региона, делавшая эти усилия менее актуальными. По свидетельству современника: «*Кадий решает дела по шариату, а судьи по адату. Но в последнее*

⁹ Речь идет о Великом князе Михаиле Николаевиче, наместнике на Кавказе в 1862–1881 гг.

¹⁰ Административные и законодательные труды по устройству судебного быта мусульман // ГИАГ. Ф. 1087. Д. № 1003. Лл. 482–483.

время шариат и адат мало-помалу теряют свое значение: жители весьма часто обращаются теперь к наибскому суду» [23, с. 37].

Характеризуя взаимодействие адата и шариата в правовой культуре народов Кавказа, Ф.И. Леонтович утверждает следующее: «Приговор по адату, или шариату предоставляется выбору тяжущихся. Когда тяжущийся видит, что по адату выиграет дело, то настаивает, чтобы его судили по адату, упирается на примеры своих предков, о шариате же и слышать не хочет. Когда видит, что шариат для него выгоднее, то тяжущийся прикидывается строгим фанатиком, хочет быть судимым не иначе, как по книге Божией, которой буквы изобретены и посланы на землю самим Богом. Человек везде один и тот же, он готов менять свои мнения и верования, сообразно потребностям мгновения и своего интереса» [17, с. 197]. Примечательно, что одна из статей «Андалалских адатов» гласит: «Если из двоих тяжущихся один потребует решить дело по шариату, а другой – по адату (араб. – *расм*), их иск будет решаться только по шариату» [9, с. 178].

Как справедливо отмечает Я.С. Смирнова, исследовавшая семейное право народов Кавказа: «Выбор той или иной правовой системы, целиком зависел от желания заинтересованных лиц. Нередко, как и вообще в области гражданского права в широком смысле этого слова действовал шариат, но иногда предпочитали адаты... Однако чаще всего во второй половине XIX в. стороны договаривались о смешанном шариатско-адатском принципе наследования, который находили для себя наиболее удобным» [24, с. 34]. С этим согласуется и мнение М.М. Магомедханова: «В Дагестане вопрос о том, как решать те или иные дела – по адату или шариату – оставался злободневным вплоть до 20-х гг. XX века. Так, в регулировании вопросов землевладения и землепользования, а также в сфере брачных отношений, при решении некоторых уголовных дел прослеживается параллельное употребление шариатских и адатных норм» [25, с. 82].

Таким образом, утверждение целого ряда исследователей о том, что в Дагестане после утверждения ислама регулирование семейных и наследственных взаимоотношений проводилось только согласно нормам мусульманского права не соответствует действительности. В действительности, соприкосновение адата и шариата существенно отразилось и на исследуемой сфере правоотношений, приведя к определенному симбиозу двух правовых культур. Наличие во многих дагестанских сборниках адатов отдельных статей, закрепляющих приоритетность шариата при разделе имущества, свидетельствует о том, что в XVII–XVIII -вв. противоборство между адатом и шариатом достигло наивысшей точки накала. Вместе с тем, несмотря на признание приоритета последнего в наследственных правоотношениях горцев, социально-экономические реалии, связанные с особенностями развития дагестанской самоуправляющейся общины, предопределили сохранение и определенной роли адатного права. Причем, эти адатные установления в большей степени носили характер «неписанных и необязательных» правил.

В отличие от других областей Северного Кавказа, где в силу позднего рас-

пространения ислама имущественные отношения между родственниками регулировались в основном посредством адатных установлений, в Дагестане существовала более сложная система наследственных правоотношений. Несмотря на утверждавшийся здесь по мере укрепления позиций ислама приоритет шариатских установок, многие вопросы, касавшиеся брака, развода и раздела наследства решались согласно адату. Раздел наследуемого имущества производился через адаптированный к местным условиям механизм, основанный на синкретизме адата и шариата.

В целом, адат и шариат в Дагестане представляли собой автономные правовые системы, включение механизмов которых при разделе наследства, зависело от конкретной ситуации и уровня религиозного сознания. При этом, несмотря на незначительные различия, в исследуемый период наблюдается единообразный порядок раздела наследства. Не случайно, еще один из дореволюционных исследователей правовой культуры Кавказа Н.А. Караулов справедливо отмечал: «Адаты у каждого свои, а шариат является началом, стремящимся к объединению и установлению единообразия взаимоотношений всего мусульманского мира» [26, с. 36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Магомедсалихов Х.Г. Разрешение конфликтов, связанных с женщиной в традиционных горских обществах Дагестана // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. СПб. 2007. – 295 с.;

2. Свечникова Л.Г. Семейное право горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: Историко-юридическое исследование: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1994. – 26 с.

3. Волгина А.П. Эволюция наследственных отношений народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 42–44;

4. Гоов И.М. Система обычного права у горцев Северного Кавказа. Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2015. Т.30. Вып. 2. С. 49–57.

5. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. 1882. Т. 1. – 437 с.

6. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 43–48.

7. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана XVIII–XIX

1. Magomedsalikhov KG. Resolution of conflicts associated with women in traditional mountain societies of Dagestan [Razreshenie konfliktov, svjazannyh s zhenshhinoj v tradicionnyh gorskih obshhestvah Dagestana] *Lavrovsky collection. Proceedings of the Central Asian-Caucasian studies*. St. Petersburg, 2007.

2. Svechnikova LG. *Family law of the highlanders of the North Caucasus in the XIX - early XX centuries: Historical and legal research [Семейное право горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: Историко-юридическое исследование]*. Thesis of Candidate of law. M., 1994.

3. Volgina AP. The evolution of hereditary relations of the peoples of the North Caucasus in the XIX - early XX centuries [Jevoljucija nasledstvennyh otnoshenij narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv.] *Society and law*. 2012. № 2 (39): 42-44.

4. Goov IM. The system of customary law among the highlanders of the North Caucasus [Sistema obychnogo prava u gorcev Severnogo Kavkaza]. *Bulletin of Dagestan State University*. Makhachkala, 2015. Vol. 30. Issue. 2: 49-57.

5. Leontovich FI. *Adats of the Caucasian Highlanders [Adaty kavkazskih gorcev]*. 1882. Vol. I.

6. Sukiyaunen LR. Muslim Property Law:

вв. Ч. II. Махачкала, 1999. – 120 с.

8. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. / Сост. Хашаев Х.-М.О. М., 1965. – 279 с.

9. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начале XX в. Т.1: до присоединения к России / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М., 2009. – 248 с.;

10. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана XVIII–XIX вв. Ч. I. Махачкала, 1999. 126 с.;

11. Коран/ Перевод с араб.икоммент. М.-Н.О. Османова. М., 2016. – 576 с.

12. Законы вольных обществ XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. Махачкала, 2007. – 300 с.

13. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Т.1. Тифлис, 1868. С. 28;

14. Сандрыгайло И.Я. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. – 626 с.;

15. Ладзыженский А.М. Адаты кавказских горцев. Ростов на Дону, 2003. – 205 с.

16. Из истории права народов Дагестана / Сост. Омаров А.С. Махачкала, 1968. – 240 с.

17. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. 1883. Т. 2. – 404 с.

18. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т.2: В царской и ранней советской России /сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2009. – 272 с.;

19. Оразаев Г.М.-Р. «История Кавказа и селения Карабудахкент» Джамалутдина-хаджи Карабудахкентского. Махачкала, 2001. – 287 с.

20. Абдулмажидов Р.С. Полемика об отчуждении собственности по «назру» в Дагестане в XIX в. // Ислам в современном мире: внутривосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 4. С. 183–200.

21. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Т. 3. Тифлис, 1870.

22. Мухаммадтахир ал-Карахи. Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил (Китаб 'ибарат ал-и'тибар фи истислахал-а'мал би к'адри ал-ик'тидар) / Пер. Абдулмажидова Р.С., Шехмагомедова Р.С., Маламагомедова Д.М. М.: Восточная литература, 2014. – 136 с.

23. Сборник сведений о кавказских гор-

Legal Understanding of Religious Postulates [Musul'manskoe pravo sobstvennosti: juridicheskoe osmyslenie religioznyh postulatov] *Otechestvennyye zapiski*. 2004. № 6: 43-48.

7. Aitberov T.M. *Chrestomathy on the history of law and the state of Dagestan of the 18th-19th centuries [Hrestomatija po istorii prava i gosudarstva Dagestana XVIII-XIX vv.]*. Part II. Makhachkala, 1999.

8. *Monuments of customary law of Dagestan in XVII – XIX centuries [Pamjatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv.]*. Comp. by Khashaev H.-M.O. M., 1965.

9. *Custom and law in the written monuments of Dagestan of the V - beginning of the XX century. Vol.1: prior to joining Russia [Obychaj i zakon v pis'mennyh pamjatnikah Dagestana V – nachala XX v. T.1: do prisoeдинenija k Rossii]*. Comp. and ed. by V.O. Bobrovnikov. M., 2009.

10. Aitberov T.M. *Chrestomathy on the history of law and the state of Dagestan of the 18th-19th centuries [Hrestomatija po istorii prava i gosudarstva Dagestana XVIII-XIX vv.]*. Part I. Makhachkala, 1999.

11. *The Quran. Translation from Arabic and commentary by M.-N.O. Osmanov [Koran. Perevod s arabskogo i kommentarij M.-N.O. Osmanova]*. M. 2016.

12. *Laws of free communities of the XVI-II-XIX centuries. Archival materials [Zakony vol'nyh obshhestv XVIII-XIX vv. Arhivnye materialy]*. Compilation, foreword and notes by H.-M. Khashaeva. Makhachkala, 2007.

13. *Collection of information about the Caucasian highlanders (SSKG) [Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (SSKG)]*. Vol. I. Tiflis.

14. Sandrygailo I.Y. *Adats of the Dagestan region and Zagatala district [Adaty Dagestanskoj oblasti i Zakatal'skogo okruga]*. Tiflis, 1899.

15. Ladyzhensky A.M. *Adats of the Caucasian Highlanders [Adaty kavkazskih gorcev]*. Rostov on Don., 2003.

16. *From the history of the law of the peoples of Dagestan [Iz istorii prava narodov Dagestana]*. Comp. Omarov A.S. Makhachkala, 1968.

17. Leontovich F.I. *Adats of the Caucasian Highlanders [Adaty kavkazskih gorcev]*. 1883. Vol. 2.

18. *Custom and law in the written monuments of Dagestan of the V - beginning of XX century. Vol. 2 Tsarist and early Soviet Russia [Obychaj i zakon v pis'mennyh pamjatnikah*

цев(ССКГ). Вып. VII. Тифлис, 1873.

24. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). Москва: Издательство Наука, 1983. – 265 с.;

25. Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории. Махачкала, 2007. – 254 с.

26. Караулов Н.А. Основы мусульманского права // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. №40. – 699 с.

Dagestana V – nachala XX v. T.2: V carskoj i rannej sovetskoj Rossii] Comp. and ed. V.O. Bobrovnikov. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2009.

19. Orazhev G.M.-R. "History of the Caucasus and the village of Karabudakhkent" by Jamalutdin-haji from Karabudakhkent [«Istorija Kavkaza i selenija Karabudakhkent» *Dzhamalutdina-hadzhi Karabudakhkentskogo*]. Makhachkala, 2001.

20. Abdulmazhidov R.S. Controversy over the alienation of property in accordance with the "nazr" in Dagestan in the 19th century [Polemika ob otchuzhdenii sobstvennosti po «nazru» v Dagestane v XIX v.] *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2018. Vol. 14. № 4: 183-200.

21. Collection of information about the Caucasian highlanders [Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (SSKG)]. Vol. III. Tiflis, 1870.

22. Muhammadtahir al-Karahi. A book on the significance of striving to improve one's actions as much as possible (Kitab 'ibarat al-itibar fi istislah al-a'imal bi k'adri al-ik'tidar) [Muhammadtahir al-Karahi. Kniga o znachimosti stremenija uluchshat' svoi dejanija po mere sil (Kitab 'ibarat al-i'tibar fi istislah al-a'mal bi k'adri al-ik'tidar)]. Transl. by Abdulmazhidov R.S., Shekhmagomedov R.S., Malamagomedov D.M. M., Eastern literature. 2014.

23. Collection of information about the Caucasian highlander [Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (SSKG)]. Vol. VII. Tiflis, 1873.

24. Smirnova YS. Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the XIX - XX centuries) [Sem'ja i semejnyj byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraja polovina XIX – XX v.)]. M., 1983.

25. Magomedkhanov MM. Dagestanis: milestones of ethnosocial history [Dagestancy: vехi jetnosocial'noj istorii]. Makhachkala, 2007.

26. Karaulov N.A. Fundamentals of the Muslim law Collection for the description of lands and tribes of the Caucasus [Osnovy musul'manskogo prava [Sbornik dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza]. Tiflis, 1909. № 40.

Статья поступила в редакцию 31.10.2019 г.